

**тетрис
для
бедных**

устав от праздной алкогольной жизни в Петербурге со всеми ее тревожными последствиями, я решил не искать новую квартиру в аренду, — из старой нас попросили съехать, — а перебраться со своей маленькой семьей в деревню. Жена не возражала, у сына никто мнения не спрашивал.

Жители этой деревни называют ее городом, но если она и была когда-то городом, то давным-давно.

При царе в ней работало два десятка питейных заведений, несколько постоянных дворов, десятков амбаров для хлеба, которым загружали баржи. Работала земская больница, ремесленное училище и стояли городские казармы. При советской власти появились аптеки, школа, детский сад, тюрьма, а также открылся педагогический техникум и еще ремонтно-механический заводик.

В какой-то момент город стал знаменит своим пивным заводиком, который поил и кормил весь регион.

Говорят, что неподалеку был аэропорт и билет на самолет там стоил чуть дороже автобусного. Затем все закрылось, зарылось, разворвалось вплоть до последней пивной бутылки.

Сейчас на тех предприятиях даже бродячие кошки не гуляют, а в аэропорт я до сих пор не верю.

Осталась пара сотен избушек и пять-шесть двухэтажных многоквартирных домов.

Школы (причем как обычная, так и коррекционная) и детский сад тоже сохранились, а тюрьму переделали в психбольницу.

Меня всегда удивляло, что для такого маленького количества людей в деревне существовали коррекционная школа и психушка, однако оба заведения пользовались популярностью и никогда не пустовали.

В общем, мы ехали в этот город. Эту деревню.

Сын неистово макал в сырный соус картошку фри, за которой я сбегал, когда поезд остановился в Казани, а жена зачитывала матерные сообщения от тещи, сообщавшей нам, что тесть ушел в запой и не встретит нас на вокзале.

Запой этот скрывался до последнего. По официальным данным, тесть не пил уже год, но пришло время правды — тесть оказался не готов к долгожданному приезду внука. В ближайшие дни он его не увидит.

Без сомнений, обидней всего было самому тестю.

Я начал понимать, что сына совсем не интересует картошка — все дело в сырном соусе, а картошка служит всего лишь проводником между ртом и маленьким сырным ящичком. Жена заблокировала телефон и как-то слишком громко опустила его на стол рядом еще с одним сырным ящичком, который после нескольких минут ругани и слез придется отдать сыну.

Мы подъезжаем к городу Вятские Поляны, чтобы там сесть в машину и через сорок минут оказаться в простой русской деревне, которая граничит с Татарстаном.

Половину деревни совершенно логично заняли татары, которые довольно быстро стали русскими и зажили нормальной русской жизнью — с матерком, драками, громкими праздниками и крепким похмельем.

Впрочем, они были немного хитрее и собраннее, и от этого заборы у них стояли ровнее, а мотоциклы были чище и новее.

Также в этих краях можно было обнаружить удмуртов и марийцев, но их особо никто не отличал от татар.

Обойдя вокзал, мы уткнулись в магазин разливного пива «BEERlin». «На Берлин!» — подумалось мне, однако мы все равно свернули в сторону такси, волоча сумки с вещами.

Таксист наш тоже был татарин, речь которого сразу напомнила о местном говоре со всеми его нюансами.

В этих краях любую фразу говорили с вопросительной интонацией, даже если ничего не хотели узнать, а акцент в предложении делали на незначительное слово или слог.

«Ты вперед садись-то? — командовал таксист Айдар, — Быстро темнеть начало? — как будто спрашивал он нас об особенностях местного часового пояса. — Сын взрослый-то уже?» — бросил он в сторону двухлетнего ребенка, не прося при этом уточнений по возрасту, лишь улыбнулся и завел мотор.

По большому счету, никто никого здесь ни о чем не спрашивал. Все вопросы были риторическими. Все и так все знали.

Просто жили так же, как и пятьдесят лет назад, когда здесь летали самолеты малой авиации, а автобусные

остановки напоминали штабы другой цивилизации, так же, как и сто лет назад, когда татары еще не употребляли водку, а русские презрительно не давали им сложную работу.

Кто-то спивался медленно, кто-то — обгоняя себя самого, кто-то бросил и скучает.

Россия — это когда плохо там и невозможно тут. Посмотрим, насколько нас тут хватит.

Время приближалось к четырем, и темнота почти полностью завладела деревней, а я так и не нашел тестя, который во время застоя был не вхож в собственное жилище.

Помимо дома, тесть с тещей владели маленькой квартирой на другом конце деревни, но там, как и в единственной деревенской рюмочной, тестя не оказалось.

По улице ходили тени с маленькими фонариками, подсвечивая себе дорогу к дому, а все бродячие собаки ментально куда-то исчезли. Прямо как мой тесть.

Я хотел поздороваться с ним и спросить, нужна ли ему моя помощь, имея в виду сигареты или какой-нибудь долг в сельпо.

Почти в каждый приезд я обхожу местные магазины, чтобы закрыть его задолженности.

На оплату подобных долгов бесполезно просить деньги у жены, поэтому он аккуратно обращался ко мне.

«Отдам с вахты, — бросал он и добавлял, что уходит из большого спорта: — Все! Свое я выпил. Заебало!» — и так до следующего раза.

Вахты, кстати, кончились около двух лет назад.

Тесть пошел короткой дорогой через посадку в магазин, в котором не был должен, и, перепрыгивая через ручей, сломал ногу в двух местах. Оказалось, что это была короткая дорога к пенсионной жизни.

Думаю, даже покойный Джек Лондон не смог бы воспроизвести, как пятидесятилетний мужик с монументальным похмельем и кровоточащей ногой, весь мокрый ползет из леса в сторону дома: «Домой! Все! Забало!»

Российские мосты потеряли хорошего бригадира-монтажника, зато местный детский садик приобрел отличного завхоза.

Нога зажиwała, а из-за свободного рабочего графика тестя у тещи в огороде появились новые теплицы. В коридоре был поставлен красивый шкаф ручной работы, а на кухне что-то вроде детского столика, который одновременно мог служить стулом для взрослого человека.

Но спустя три или четыре месяца он аккуратно предложил отметить какой-то священный праздник и на следующий день, почувствовав себя хорошо, заявил, что употреблять будет, но «как вчера — по чуть-чуть», и так до первого серьезного похмелья.

Раньше тесть выселялся на веранду.

Выпивал все заначки, спрятанные в погребе, сарае и бане, окутывался в три одеяла и, подвивая, пытался заснуть. В качестве согрева иногда использовал хлебопечь, которая хранилась там же, — просто включал ее на полную, открывал и ложился спать. По ночам прокрадывался в дом и выпивал пару яиц — из еды во время запоя он больше ничего не употреблял. Говорят, в водке есть все необходимые калории.

О призраке с веранды дома вспоминали зло и мимоходом.

«Нашел уже где-то, придурочный», — выглядывая из окна, замечала теща и, плюнув в сердцах, шла на кухню готовить.

В такие дни я, как правило, покупал коньяк и вечером под вкусную закуску выслушивал тещины тирады.

Из монолога, с огромным количеством аргументов и доказательств, выходило, что тесть — конченное чудовище и лучше б в том ручье он захлебнулся. Я кивал. Затем спрашивал, хотела бы она на кого-нибудь променять его в этой деревне, на что теща отвечала, что он все-таки единственный нормальный мужик, хоть и мудака.

Немного расстроенный, я вернулся домой, где уже все было готово для похода в баню, стоявшую за внушительного размера огородом.

Жена ловко выпрыгнула из своей обуви в предбаннике, слегка задев дрова, лежащие возле двери, и мы зашли в парилку, где очищались от грязи.

Я подставил тазик под кран с холодной водой, которая шла из бойлера, и тазик под кран с кипятком. Водрузив их на деревянный стол, мы начали намыливаться.

— Че ты там вошкаешься? — перешла на местный диалект жена.

— Чего? Намыливаю мочалку.

— Бесит, как ты моешься.

— Как? — улыбался я.

— Как городской, — презрительно бросила она.

Там, где я рос, парилка и помывочная были всегда в разных местах, поэтому за несколько лет я так и не привык мыться их вятским способом.

Наблюдая друг за другом, мы смыли с себя пену и, потершись друг о друга, принялись за дело. Сексом с городским моя жена не брезговала.

Немного отдышавшись в предбаннике, я оделся и пошел домой.

Все, что мне нужно было от бани, я получал быстрее жены и поэтому оставил ее в одиночестве.

Снег тонкой пленкой равномерно лежал на взрыхленной земле.

Теплицы, поблескивая, праздновали отпуск.

Закурив, я снова вспомнил про тестя. Где он сейчас? Какой ручей пытается перепрыгнуть?

Зайдя домой, я выпил стакан холодного яблочного компота, его для меня налила теща.

Красный, теплый и ароматный сын стоял на четвереньках и катал разноцветные пластмассовые стаканчики.

Тесть, наверное, тоже сейчас где-то катает стаканчики.

День проходил спокойно. Или, скажем так, — ничего не происходило.

Прервав трапезу только на беседу с соседом, спросившим, где он может найти тестя, я доел суп с клецками и принялся читать новый художественный роман писателя из Харькова. Жена вышла из комнаты и, сложив руки у щеки, изобразила, что сын заснул, затем приказала мне одеваться.

На улице было темно и пусто. Из изб валил негустой дымок. Все экономили энергию, поэтому, как правило, свет зажигали только в одном из окон.

Решили дойти до квартиры, где был шанс застать тестя.

Все магазины уже закрылись (в выходные дни они закрывались в два), лишь алкомаркет «Красное и белое» излучал свой красный inferнальный свет.

Купив две пачки сигарет для тестя и мензурку согревательного травяного ликера для себя, мы пошли в сторуку его квартиры.

Поглазев с улицы в окна и постучав в дверь, я понял, что нам никто не откроет. Несколько раз я громко позвал его по отчеству, чтобы он не подумал, что за ним охотится теща, но ответа не последовало.

В несколько глотков мы осушили мензурку и дошли до катка, где местные дети шумно катались на коньках.

Опрятней модного паркета
Блестит речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.

Вспомнился отрывок из «Евгения Онегина».

Показалось, что возле катка спокойно курит тесть.

Хорошо разглядеть мужчину в большом черном пуховике в такой темноте было невозможно.

— Небось наблюдает за своим внебрачным сыном, — с усмешкой заметила жена.

— Может быть, все эти дети его? — предположил я.

— Или внуки! — окончательно развеселилась жена.

В семье ходили слухи, что как-то раз по пьяни тесть нагулял ребенка, но я в это особо не верил. Непохоже на него.

Похотливый мужик как будто услышал предположение моей жены и, кинув бычок за спину, ловко прыгнул на лед, чтобы поднять кричащего ребенка.

Тесть со своей переломанной ногой так сделать не смог бы.

На обратном пути мы снова зашли в inferнальный алкомаркет, купить бутылку коньяка на вечер. Теща работала два через два, и сегодня у нас был повод — ее последний выходной.

В магазине жена увидела свою бывшую учительницу музыки и, быстро отвернувшись, сказала, что подождет меня на улице. Та тоже не подала виду, что заметила свою ученицу. Не хватало еще в алкомаркетах общаться, как у кого жизнь складывается.

Я открыл пачку, которая предназначалась тестю, и закурил. Наконец загорелся единственный на этой улице фонарь. Идти стало проще.

Деревня где-то схоронила тестя, но приветствовала нас.

Когда мы вернулись домой, сын сидел на коленях у тещи и смотрел с телефона мультфильм про Львенка.

— Иди обниматься! — крикнул я обернувшемуся сыну, тот ловко сполз с бабушки, подбежал, приобнял мои ноги и устремился обратно к Львенку, в смысле — к бабушке.

Я сел в огромное кремовое кресло и включил на ноутбуке казачью песню «Нас пугали Пугачом».

Черная кошка Муська, спавшая на спинке кресла, открыла глаза — песня не была похожа на звуки из мультфильма про Львенка, но, быстро поняв, что ей ничто не угрожает, продолжила дрему.

Надеюсь, тесть просто спал в своей квартире и не слышал стука в дверь. У него не такой чуткий слух, как у Муськи.

Мультик кончился. На кухне сын нашел мухобойку и теперь направлялся к кошке.

Почуввав неладное, жена зашла в зал и, оценив ситуацию, выпалила, что если сын ударит кошку, то получит этой же мухобойкой по жопе. Сын опустил мухобойку, будто ничего насильственного не планировал, но жена не поверила ему и забрала тонкую битку для детского бейсбола.

Из ноутбука доносился мрачный хор:

Бери ножик, бери меч, да,
И пошли на брану сечь.
Тут ватага собиралась, да,
И киргизы, и татары, и вся рать в поход пошла, да.

«И там сплошные татары», — подумалось. Под такую песню можно было бы и подраться с кошкой!

Скоро ужин. Капуста с маслом и домашние пельмени со сметаной. Может быть, добавлю аджику.

Мизгирь (так местные называют паука) медленно полз мимо моей кружки, где я смешал соду с водой. От выпитой вечером бутылки я захмелел, может, минут на десять, когда курил, зато изжогу получил на всю ночь.

В зале, где я лежа читал роман на огромном кремовом диване, был еще раскладной черный стол для вечерних трапез, в основном он ждал своего вечернего часа в углу, еще два столика с прозрачным стеклом по бокам от дивана и кресло, на котором я просиживал всю эту зиму.

содержание

Тетрис для бедных	5
Вилледж поэмс. <i>Мини-альбом</i>	95
Стиралка	101
Раздолбай-сервис	111
Карта чернобыльца	127
Папа. <i>Текст для моноспектакля</i>	137
Ваш чай, товарищ полковник	153
Подушка	167